

(род. 11-го октября 1819 г., умеръ 16-го июля 1872 г.), знаменитый артистъ московскаго театра, достигшій въ зрѣломъ возрастѣ и славы, и обезпеченнаго положенія, испыталъ въ молодости жизнь провинціальнаго актера во всей ея неприглядности. Получивъ отъ отца въ наследство только „синій фракъ да сапоги съ отворотами“, маленький Садовскій (тогда еще Ермиловъ) пошелъ на ионечье своего ляди по матери, провинціальнаго актера Садовскаго, фамилию котораго онъ принялъ для сцены. Съ тѣхъ поръ Садовскій уже не разставался съ театромъ. Сначала онъ переписывалъ роли и пьесы, а съ 14-ти лѣтъ сталъ настоящимъ либреттомъ, перенравлявъ въ первый годъ до 15-ти ролей различнаго характера, величавыя и достоинства, переписавъ сотни ролей для своихъ товарищей и получивъ по окончаніи сезона въ награду отъ антрепренера за свои труды... цѣлковый-рубль.

Много приходилось переносить молодому актеру: было и голодно, и холодно, и неприятно. Разъ былъ Садовскій съ труппою въ Лебедяни. Въ театрѣ шито не шить, сборовъ не было никакихъ—голодъ стучался къ актерамъ въ окно. Кусокъ чернаго хлѣба да ковшъ воды, за которой актеры сами ходили на рѣку—вотъ въ чемъ состояла ихъ трапеза. Какъ вдругъ, совершенно неожиданно явилось спасеніе: въ Лебедяни отыскался трактирщикъ, страстный любитель театра. Онъ предложилъ имъ давать для него спектакли—за ужинъ. Предложеніе было принято съ радостью. И вотъ, разсѣвшись съ важностью, одинъ во всей театральной залѣ, помѣщавшейся въ плохомъ балаганѣ и освѣщенной двумя салыпными огарками, лебедянский меценатъ равнодушно смотрѣлъ и слушалъ разыгрываемыя передъ нимъ комедіи и водевили. Нерѣдко, когда пьеса казалась ему скучной, онъ останавливалъ актеровъ въ самой срединѣ ея и приказывалъ завѣтъ всякъ хоромъ плясочную или ухарскую пѣсню. Разумѣется, его приказаніе тотчасъ исполнялось, и трактирщикъ, довольный своими артистами, изъ мецената превращался въ амфи-театрона и надѣлялъ ихъ порціями щей и говядины. Въ Лебедяни-же случился другой курьезъ: на ярмарку прѣѣхалъ хоръ цыганъ. Актеры соединились съ ними и стали давать представленія вѣхѣтъ. Сборъ поправился.

Провинціальное скитальчество кончилось для Садовскаго въ 1839 г., когда онъ былъ принятъ на сцену московскаго театра: тутъ ужъ пошла другая жизнь, другіе люди и нравы.

Картинка изъ жизни провинціальныхъ актеровъ стараго времени, приведенная выше,—одна изъ множества подобныхъ

картинокъ, не собранныхъ, въ сожалѣнію, пока еще въ одну цѣлую, общую картину. Если горько приходилось „вольному“ актеру, то крѣпостному—еще хуже. Крѣпостные театры имѣли важное значеніе въ провинціи. Богатые любители сформировывали цѣлыя труппы артистовъ и музыкантовъ изъ своихъ крѣпостныхъ и руководили сценической ихъ дѣятельностью. Положеніе ихъ было незавидное. Оставаясь въ полномъ подчиненіи своему барину, они часто подвергались, наравнѣ съ другими крѣпостными, исправительнымъ мѣрамъ и различнымъ наказаніямъ. У одного, напримеръ, мецената были въ ходу такъ-называемыя рогатки, т. е. провинившагося Юрія Милославскаго или Скопина-Шувалева ставили на болѣе или менѣе продолжительное время посреди комнаты и подпирали его шею тремя рогатками. Кромѣ актерской должности, они должны были часто исполнять и какую-нибудь другую; у нѣкоторыхъ покровителей искусства на барскихъ обѣдахъ прислуживалъ мужской персоналъ театральной труппы, исключая заслуженныхъ артистовъ, которые изъ театральныя королеи и рыцари превращались въ простыхъ офиціантовъ не ежедневно, а только въ какихъ-нибудь торжественныхъ случаяхъ.

По афишѣ легко было отличить крѣпостнаго актера отъ „вольнаго“: первый обозначался или только однимъ именемъ, или именемъ и прозвищемъ,—а передъ фамиліей втораго всегда стояло почетное „г.“. Если помѣщикъ не имѣлъ своего театра, то людей, способныхъ къ сценѣ, онъ отдавалъ другимъ антрепренерамъ. Въ этомъ случаѣ жалованье за актера получалъ самъ помѣщикъ, а актеръ не смѣлъ пользоваться безъ разрѣшенія своего барина ни одной копейкой. Бывало и такъ, что помѣщики, находя крѣпостнаго актера доходною статью, подготавливали его на чужую сцену, вырабатывая преимущественно трагическіе таланты, такъ какъ трагикъ цѣнился дороже. *)

Такъ и подобнымъ образомъ жилъ провинціальнаго русскій актеръ въ тѣ времена, которыя уже никогда не вернуться. Я—въ.

Прототипъ Несчастливцева. Постановка въ бенефисъ М. П. Садовскаго комедіи А. Н. Островскаго *Лисъ* даетъ поводъ вспомнить о прототипѣ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Въ *Лисѣ* А. Н. Островскій вывелъ два типа русскихъ провинціальныхъ актеровъ. Несчастливцева и Счастливцева. Прекрасно зная артистическій мірокъ съ которымъ онъ началъ близкое знакомство еще въ самомъ началѣ своей писательской дѣятельности, А. Н. Островскій легко могъ наблюдать типичныхъ представителей этого мірка и потомъ создать, какъ общій выводъ, сценической образъ русскаго актера. Поэтому нельзя видѣть въ Несчастливцевѣ и Счастливцевѣ лишь копии съ извѣстныхъ оригиналовъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать и того что крупнѣйшія типическія черты этихъ дѣйствующихъ лицъ принадлежатъ дѣйствительно какимъ-нибудь провинціальнымъ актерамъ. Прототипомъ для актера — трагика Несчастливцева,—типа теперь почти совершенно исчезнувшаго съ провинціальной сцены,—послужилъ, говорятъ, извѣстный актеръ Н. Х. Рыбаковъ. Но наиболѣе подходящимъ изъ прежнихъ актеровъ-трагиковъ къ типу Несчастливцева, считаютъ другаго актера, біографія котораго мало извѣстна. Это — провинціальнаго актеръ Д. А. Горевъ-Тарасенковъ. Въ одномъ изъ старыхъ журналовъ находимъ нѣкоторыя біографическія о немъ подробности (*Москвитинъ*, 1852, № 20, октябрь, книга 2, стр. 147—149). Горевъ-Тарасенковъ окончилъ курсъ въ одномъ изъ университетовъ что было тогда для актера случаемъ крайне рѣдкимъ. На сцену онъ въ первый разъ выступилъ въ качествѣ любителя, въ Харьковѣ, въ 1841 году, избравъ для перваго дебюта роль Гамлета. Затѣмъ вступивъ окончательно на сцену, онъ служилъ въ Харьковѣ, Кіевѣ, Воронежѣ, Орлѣ, Курскѣ, Ставрополѣ, Симферополѣ, Ярослав-

лѣ, Новочеркасскѣ и т. д.—словомъ, повинуюсь судьбѣ актера, объѣхалъ чуть не всю Россію и побывалъ чуть не во всѣхъ городахъ, гдѣ существовали театры. По своему таланту Горевъ-Тарасенковъ принадлежалъ къ типу артистовъ, гениальнымъ представителемъ которыхъ былъ Мочаловъ. Главное свойство его игры составляли вдохновеніе и пламенное чувство. Онъ увлекался до замозабвенія и тогда для него исчезали и сцена, и зрители, и вымыселъ роли. Критика того времени отдавала полную дань прекрасной игрѣ Горева - Тарасенкова. Репертуаръ его былъ очень разнообразенъ. Въ Шекспировскихъ трагедіяхъ онъ игралъ свои любимыя роли Гамлета, Отелло, Лира, Коріолана и др., въ русскихъ пьесахъ той эпохи игралъ роли: Ляпунова, Неизвѣстнаго (*Параша Сибирячка*), Иголкина, Сусанина (*Костромскіе Лиса*), Козьмы Рощина и др. Въ послѣднихъ пьесахъ онъ проявлялъ много патриотическаго жара и благороднаго сознанія народнаго достоинства. Въ пьесахъ переводныхъ его ролями были: Велизарій, Бернардъ (*Материнское Благословеніе*), Жермани (*Жизнь шрока*), Гуго Бидерманъ (*Смерть или честь*) и др. Кромѣ ролей чисто драматическаго ампуа въ репертуарѣ Горева-Тарасенкова были и роли комическія. Такъ онъ игралъ прекрасно Скалозуба, Осипа и мичмана Жевакина. Горевъ-Тарасенковъ подвизался и на писательскомъ поприщѣ. Его драма *Государь - Избавитель* ставилась на сценѣ; его стихотворенія печатались въ періодическихъ изданіяхъ. Личныя его качества какъ человѣка достаточно обрисованы въ Несчастливцевѣ, если этотъ типъ былъ созданъ подъ впечатлѣніемъ наблюденій надъ Горевымъ-Тарасенковымъ. Отмѣтимъ одинъ случай изъ его жизни: Горевъ-Тарасенковъ спасъ жизнь знаменитому артисту Петербургскаго театра, А. Е. Мартынову, когда послѣдній